

Значение анархизма для современного общества

Сэм Долгофф

1971

Буржуазный нео-анархизм

Осмысленная дискуссия о значении анархистских идей для современных индустриальных обществ должна в первую очередь, во имя ясности, выявить различия между сегодняшним «нео-анархизмом» и классическим анархизмом Прудона, Бакунина, Кропоткина, Малатесты и их последователей. За редкими исключениями первый порождён посредственным и поверхностным характером идей, предоставленных современными теоретиками анархизма. Вместо того, чтобы представить свежий взгляд на вещи, он состоит из повторения утопических идей, которые анархистское движение давно переросло и отвергло как совершенно лишённые какого-либо значения для проблем нашего всё более усложняющегося общества.

Многие из идей, которые видный анархистский теоретик Луиджи Фаббри обозначил полвека назад как буржуазные влияния в анархизме, снова в ходу. (1) Вот, например, статья Кингсли Вайдмера «Анархизм оживил правых, левых и всё вокруг». Как и похожие буржуазные движения, Вайдмер корректно подмечает, что «Актуальное оживление анархизма... исходит, в основном, от недовольного среднего класса — от интеллектуалов, студентов и других маргинальных групп, которые опираются на индивидуалистские, утопические и прочие не-рабочие аспекты анархизма» (2) Подобно старым буржуазным анархистам, Вайдмер, практически, тоже отрицает связь анархизма и вольного социализма и укоряет Ноама Чомского за то, что тот считает «анархизм важнейшей составляющей частью социализма».

Другими типичными характеристиками буржуазного анархизма являются: *Эскапизм* — надежда, что истеблишмент будет постепенно подорван, если достаточно людей «отсоединятся» от системы и станут «жить как анархисты в общинах... и иных учреждениях» (Вайдмер); *Нечаевщина* — романтическое превозношение заговора, жестокости, насилия в аморальной традиции Нечаева; *Богемность* — абсолютная безответственность, исключительный интерес к собственному показушному «образу жизни», эксгибиционизм, отвержение всякой формы организации и само-

дисциплины; *Антисоциальный индивидуализм* — потребность в «идеализации самых антисоциальных форм индивидуального бунта» (Фабри).

«Нетерпимость к угнетению», пишет Малатеста, желание быть свободным и всеобъемлюще развивать свою личность ещё недостаточны, чтобы сделать кого-то анархистом. Это стремление к бесконечной свободе, если оно не сопровождается любовью к человечеству и желанием, чтобы все наслаждались равной свободой, может породить бунтарей, которые... вскоре станут эксплуататорами и тиранами». (3) Но некоторые нео-анархисты всё ещё одержимы идеей «действия ради действия». Один из самых выдающихся историков итальянского анархизма, Пьер Карло Мазини, подчёркивает, что для них «спонтанность» служит панацеей, которая автоматически решит все проблемы. Не нужно ни практической, ни теоретической подготовки. В ходе «революции», которая находится «всего лишь за углом», фундаментальные противоречия между либертариями и нашими смертельными врагами, авторитарными группами вроде «марксистов-ленинистов» исчезнут чудесным образом. Мазини замечает – «Достаточно парадоксально, но по-настоящему современные анархисты — это те, у кого седые волосы, те, кого вели идеи Бакунина и Малатесты, кто в Италии и Испании (равно как и в России) на собственном горьком опыте понял, насколько серьёзным может быть дело революции». (4)

Нашим намерением не является навешивать ярлыки на такое множество незначительных вещей, которые утверждаются учёными, или преуменьшать великую борьбу наших молодых бунтарей против войны, расизма и фальшивых ценностей этого огромного преступления по имени «Истеблишмент» — борьбу, которая осветила пробуждение долго дремавшего радикального движения. Но они подчёркивают негативные аспекты и игнорируют или неверно понимают конструктивные принципы анархизма. Бакунин и классические анархисты всегда подчёркивали необходимость конструктивного мышления и действия: «оно (революционное движение 1848-го года) было богато на инстинкты и негативные теоретические идеи, которые давали ему полное оправдание в борьбе против привилегий, но ему совершенно не хватало каких-либо позитивных и практических идей, которые были бы способны помочь ему установить новую систему на руинах старого буржуазного общества». (5)

Искажение анархистских идей

Недавние труды по анархизму, вроде «*Anarchism*» Джорджа Вудкока и обеих книг Хоровитца и Джолля, обе под названием «*The Anarchists*», продолжают миф о том, что анархисты — это живой антиквариат, провидцы, стремящиеся вернуться в идиллическое прошлое. Согласно Вудкоку, «историческое анархистское движение, начавшееся с Бакунина и его соратников, мертво». Основные принципы классического анархизма: экономическая и политическая децентрализация власти, индивидуальная и локальная автономия, самоуправление в промышленности («рабочий контроль») и федерализм являются «устаревшими формами организации (сопротивляющейся) мировой тенденции к политической и экономической централизации... Настоящая социальная революция современности была, на самом деле, этим процессом централизации, к которому подталкивало всякое движение научного и технологического прогресса (тенденция направлена в обратную сторону)... Анархистскому движению не удалось представить альтернативу государству или капиталистической экономике». (6)

Трудно понять, как учёные, пусть даже вскользь ознакомившиеся с объёмной либертарной литературой по воссозданию общества, вообще могут прийти к таким абсурдным выводам! Примечательным исключением служит французский социолог и историк Даниель Герен, чья замечательная книга «*L'anarchisme*» недавно была издана на английском с вступлением Ноама Чомского. Хотя и не без своих ошибок (он преуменьшает значение идей Кропоткина и преувеличивает влияние Штирнера), это всё ещё самое лучшее введение в материю. Герен успешно опровергает аргументы таких историков как Жан Метрен, Вудкок и Джолль, и приходит к выводу, что «создаваемый ими образ анархизма неверен. Конструктивный анархизм, нашедший своё самое завершённое выражение в трудах Бакунина, опирается на организацию, само-дисциплину, интеграцию, на централизацию — не принудительную, но федералистскую. Он опирается на развитую промышленность, на современные технологии, на современный пролетариат, на истинный интернационализм... В современном мире, материальные, интеллектуальные и моральные интересы создали во всех частях народа и даже между народами настоящее и твёрдое единство, и это единство переживёт все государства. (7) Чтобы определить тот размах, в котором классический анархизм применим в современных обществах, необходимо, в первую очередь, кратко обобщить его главные конструктивные теоремы.

Сложные общества нуждаются в анархизме

Сказать, что анархисты игнорируют сложность общественной жизни, было бы ошибкой. Напротив, классические анархисты всегда выступали против того вида «простоты», которая прикрывает структуризацию за счёт естественной сложности, которая отражает многочисленные аспекты и разнообразие общественной и индивидуальной жизни. Математик-кибернетик Джон Р. МакЭван пишет о значении анархизма для кибернетики: «Либертарные социалисты (синоним не-индивидуалистского анархизма), в особенности Кропоткин и Ландауэр, достаточно рано проявили чутьё в отношении сложной структуры общества как сложной сети изменяющихся отношений, включающей множество структур сходной активности и взаимной помощи, независимых от авторитарного принуждения. На этом фоне они и развили теории общественной организации». (8)

Как и его предшественники, Прудон и Бакунин, Кропоткин развивал идею, что сама сложность общественной жизни требует децентрализации и управления промышленности самими рабочими. Из своих исследований экономической жизни в Англии и Шотландии он сделал вывод, что «производство и обмен представляют собой настолько сложное предприятие, что ни одно правительство (не создавая мешающей, неэффективной бюрократии) не могло бы организовать производство, если бы сами рабочие не сделали это в каждой отдельной отрасли посредством своих объединений; ибо повсюду на производстве ежедневно возникают тысячи трудностей, которые... которые не могут предвидеться ни каким правительством. Лишь усилия тысяч умов, трудящихся над проблемой, могут сотрудничать в развитии новой социальной системы и находить решения для тысяч местных проблем». (9)

Децентрализация и автономия не означают распада общества на мелкие, изолированные, экономически самодостаточные группы, что не является ни возможным, ни желательным. Испанский анархист, Диего Абад де Сантильян, министр экономики в Каталонии в ранний период Испанской гражданской войны (в декабре 1936 г.)

напоминал некоторым своим товарищам: «Прежде всего, все мы должны понимать, что мы не находимся в маленьком утопическом мире... Мы не можем осуществить нашу экономическую революцию в локальных масштабах; ибо экономика на местном уровне может означать только коллективный недостаток... экономика сегодня является огромным организмом и всякая изоляция будет роковой... Мы должны работать по социальным критериям, учитывая интересы всей страны и, насколько возможно, всего мира». (10)

Нужно найти баланс между удушающей тиранией неограниченного авторитета и тем видом «автономии», которая ведёт к чисто местному патриотизму, сепаратизму небольших группировок и фрагментации общества. Либертарная организация должна отражать сложность общественных отношений и практиковать, насколько возможно, самую широкую солидарность. Это можно определить как федерализм: координация посредством свободного соглашения, на местном, региональном, национальном и международном уровнях. Огромная координационная сеть добровольных объединений охватывает тотальность общественной жизни, в которой все группы и ассоциации пожинают плоды объединения, всё ещё практикуя автономию в своих сферах и расширяя границы своей свободы. Анархистские принципы организации — это не отдельные объекты. Автономия невозможна без децентрализации, а децентрализация невозможна без федерализма.

Увеличивающаяся сложность общества делает анархизм ещё более, а не менее важным для современной жизни. Именно эти сложность и многообразие, помимо понимания важности свободы и человеческих ценностей, заставили анархистских мыслителей основывать свои идеи на принципах распределения власти, самоуправления и федерализма. Самый главный атрибут свободного общества заключается в том, что оно само себя регулирует и «несёт в себе семя своего собственного восстановления» (Бубер). Самоуправляющиеся объединения будут достаточно гибкими, чтобы разрешить свои противоречия, исправить свои ошибки и учиться на них, экспериментировать с новыми, творческими формами общественной жизни и, тем самым, достичь истинной гармонии на более высоком, гуманном уровне. Ошибки и конфликты, вызванные ограниченной ответственностью групп с особыми целями, могут вызвать ограниченный вред. Но неверные расчёты и преступные решения, принятые государством и другими автократичными централизованными организациями, касающиеся целых народов и даже всего мира, могут иметь самые катастрофические последствия.

Современная промышленность организовывается лучше по-анархистски

Буржуазные экономисты, социологи и управленцы вроде Питера Дракера, Гуннара Мирдала, Джона Кеннета и Дэниэла Белла предпочитают сегодня широкую децентрализацию не потому, что они вдруг стали анархистами, но, в первую очередь, из-за того, что технология создала анархичные формы организации «операционных потребностей». Буржуазным реформаторам теперь предстоит понять, что пока эти формы остаются привязанными к государству или к капитализму, что означает монополию политико-экономической власти, децентрализация и федерализм будут оставаться обманом — ещё более эффективным средством превращения кооперации масс в их порабощение. Чтобы показать, в чём их идеи ненамеренно демонстрируют практикабельность анархистской организации, и как они противоречат сами

себе, мы процитируем «свободного предпринимателя» Дракера и «социального государственника» Мирдала. В главе под названием «Болезнь правительства» Дракер пишет:

«Разочарование в правительстве перешагивает через национальные и идеологические границы... Правительство само стало одним из многочисленных интересов... Тот момент, когда правительство предпринимает что-либо, оно пускает корни и становится постоянным... Непродуктивное встраивается в самый политический процесс... Общественная теория, чтобы вообще иметь какое-либо значение, должна начинаться с реальности плюрализма учреждений, галактики солнц, а не с огромного центра, окружённого лунами, которые светятся лишь отражённым светом... общество институционального разнообразия и распыления власти... В плюралистическом обществе (каждый объект будет) ограничиваться специфическими услугами, которые он предоставляет членам общества, так что, поскольку каждое учреждение обладает властью в своей сфере, оно, как таковое, будет заинтересовано в общественной выгоде... Такой взгляд на организации, как на автономные и ограниченные, необходим, чтобы заставить организацию создавать и защищать свободу индивида».

(11)

После демонстрации «чуждоности правительства, недостаточности его услуг и его неспособности», Дракер убого противоречит себе и приходит к удивительному выводу, что «никогда ещё сильное, эффективное правительство не было так нужно как в этом плюралистическом обществе организаций...»

Мирдал убедительно показывает, что и Советский Союз и «государства свободного мира» нуждаются в децентрализации для повышения административной эффективности, дабы их политическая и экономическая жизнь не пала жертвой закостенелости центрального аппарата. Но затем он ожидает от опекающего социального государства, что оно ослабит «свой контроль над повседневной жизнью» и постепенно передаст большую часть своей власти «всем видам организаций и сообществ, управляемых самими людьми...» Ни один анархист не мог бы опровергнуть аргумент Мирдала лучше, чем он сам: «отказаться от авторитарных схем, отказаться от административного контроля и... добровольно отказаться от вмешательства там, где оно больше не нужно — это шаги, которые не соответствуют принципам работы функционирующей бюрократии» (12) Если бы эти заступники автономии и децентрализации были последовательными, они бы осознали, что распределение власти ведёт к анархизму.

Анархисты всегда противостояли якобинцам, бланкистам, большевикам и другим, желающим стать диктаторами, которые, словами Прудона: «отстроили бы общество по воображаемому плану, подобно астрономам, которые из почтения к своим вычислениям переделали бы всю систему вселенной». (13)

Анархистские теоретики ограничивались предложениями использования всех полезных организмов старого общества для того, чтобы построить новое. Они представляли себе обобщение уже действующих практик и тенденций. Тот самый факт, что автономия, децентрализация и федерализм являются более практичными альтернативами централизму и государственности, уже предполагает, что эти огромные организационные сети выполняющие сегодня общественные функции уже готовы заменить старые обанкротившиеся гиперцентрализованные администрации. То, что

«элементы нового общества уже развиваются в погибающем буржуазном обществе» (Маркс) — является фундаментальным принципом, разделяемым всеми тенденциями в социалистическом движении. Кропоткин был в этом вопросе весьма конкретен: «Анархисты... строят свои проекты будущего на тех фактах, которые предоставляет им наблюдение современной жизни...» (14) «Идея независимых коммун из территориальных организаций и федераций профсоюзов для организации трудящихся согласно их различным функциям, даёт конкретную концепцию общества, рождённого социальной революцией. Остаётся только добавить к этим двум видам организации третью, чьё стремительное развитие мы наблюдали на протяжении последних пятидесяти лет... Тысячи и тысячи вольных предприятий и сообществ вырастают повсюду ради удовлетворения всевозможных и мыслимых потребностей, экономических, санитарных и образовательных; от взаимной защиты, пропаганды идей, искусства до развлечений и т.д. и т.п. Все они поддерживают друг друга и все они готовы отреагировать на новые нужды новыми организациями и соглашениями». (15)

Не обязательно, глядя на современные тенденции, соглашаться со всеми специфическими предложениями Кропоткина, чтобы понять, что в общем, обрисованные им концепции дают реалистичный фундамент для переустройства общества. Общество есть гигантская переплетающаяся сеть трудового сотрудничества: и все перечисленные Кропоткиным глубоко укоренённые учреждения, работающие сейчас, в какой-либо форме продолжают функционировать по той простой причине, что само существование человечества зависит от этой взаимосвязи. Это никем не оспаривалось. Что нужно — это освобождение от авторитарных учреждений над обществом и авторитарности внутри самих организаций: прежде всего, они должны быть пронизаны революционным духом и уверенностью в творческих способностях людей. Кропоткин, разрабатывая социологию анархизма, открыл путь для плодотворных поисков, который был проигнорирован обществоведами, усердно определяющими новые области государственного контроля.

Упорствование анархистов в рабочем контроле — идее самоуправления промышленности посредством рабочих объединений «согласно их различным функциям» опирается на солидное основание. Эта тенденция восходит к Роберту Оуэну, первой Международной Ассоциации Трудящихся, движению социализма гильдий в Англии и синдикалистским движениям перед Первой мировой войной. В Русской революции спонтанно возникшие тенденции рабочего контроля в форме свободных советов были, в конце концов, задушены в Кронштадской бойне в 1921 г. Та же трагическая судьба ожидала рабочие советы в венгерском, польском и восточно-германском восстании в районе 1956 г. Среди прочих попыток, конечно же, есть и классический пример Испанской революции 1936 г., с её монументальными конструктивными достижениями в области либертарных сельскохозяйственных коллективов и рабочего контроля над городской промышленностью. Прогноз «Нового бюллетеня» реформистского Международного профсоюза рабочих пищевой промышленности и объединённых Рабочих Ассоциаций (июль 1964 г.), что: «требование рабочего контроля вполне может стать общим местом в передовых секторах рабочего движения как на 'Востоке', так и на 'Западе'», сегодня является фактом.

Хотя и устранившийся большевистский «левый оппозиционер», Виктор Серж, ссылается на экономический кризис, охвативший Россию в первые годы революции, его замечания всё ещё верны и, кроме того, иллюстрируют тезисы Кропоткина: «определённые отрасли могли бы быть оживлены и мог бы быть достигнут значительный уровень выздоровления обращением к инициативе групп производителей и потребителей, освобождения удушаемых государством кооперативов и приглашением различных объединений перенять управление различными отраслями экономической жизни... Я выступал за коммунизм ассоциаций в отличие от коммунизма государства — где общий план не диктовался бы сверху государством, но был бы результатом соглашения конгрессов и специальных ассамблей снизу». (17)

«После революции»

Анархистские мыслители не были столь наивными, чтобы ожидать установления совершенного общества, состоящего из совершенных индивидов, которые чудесным образом отбросят все свои устоявшиеся предрассудки и старые привычки на следующий же день после революции. Они были, в первую очередь, заняты непосредственными проблемами социального строительства, с которыми пришлось бы столкнуться в любой стране — индустриализованной или неиндустриализованной.

Это те задачи, игнорировать которые нет права ни у одного серьёзного революционера. Именно по этой причине анархисты пытались разработать средства, чтобы совладать с актуальными проблемами, которые возникли бы с большой вероятностью во время того периода, который Малатеста называл: «периодом реорганизации и перехода». (18) Мы обобщим размышления Малатесты о некоторых наиболее важных вопросах. (19)

Важнейших проблем нельзя избежать, отодвинув их в далёкое будущее — может быть, на столетие или больше — когда анархизм полностью разовьётся и массы, наконец-то, станут убеждёнными и преданными анархо-коммунистами. Нам, анархистам, нужно иметь свои собственные решения, если мы не хотим стать бесполезными и ни на что не способными ворчунами, в то время как более реалистичные и беспринципные авторитаристы придут к власти. Анархия или нет, людям нужна пища и другие необходимые для жизни вещи. Города должны обеспечиваться и жизненно необходимые услуги не должны прерываться. Пусть они даже будут плохого качества, люди, в своих же собственных интересах, не должны позволять нам или кому-либо ещё прерывать эти услуги если и пока они не будут организованы лучшим способом, а этого нельзя достичь за один день.

Обширная урбанизация анархо-коммунистического общества может быть достигнута лишь постепенно, по мере материальных возможностей, и когда массы убедятся в выгоде и когда они постепенно свыкнутся психологически с изменениями в своём образе жизни. Т.к. свободный и добровольный коммунизм (синоним Малатесты для анархизма) не может установиться насильственно, Малатеста подчёркивал необходимость сосуществования различных экономических форм — коллективистских, мютуэлистских и индивидуалистских; при условии, что не будет эксплуатации других. Малатеста был уверен, что убеждающий пример успешных либертарных коллективов «привлечёт и других на орбиту коллективности... Лично я убеждён, что нет 'единого' решения социальной проблемы, а есть тысячи разных и изменяющихся

решений, так же как и общественная жизнь различается во времени и пространстве».
(20)

«Чистый» анархизм — это фикция

Кроме «индивидуалистов» (неоднозначный термин), никто из анархистских мыслителей не был «чистым» анархистом. Типичная «чистая» группа анархистов, как объясняет Джордж Вудкок, «... это неопределённая и гибкая группа по увлечениям», которая не нуждается в формальной организации и проводит анархистскую пропаганду при помощи «невидимой сети личных контактов и интеллектуальных влияний». Вудкок считает, что «чистый» анархизм несовместим с массовыми движениями вроде анархо-синдикализма, т.к. они нуждаются в «стабильных организациях именно потому, что они существуют в мире, живущем лишь отчасти по анархистским идеям... и идут на компромиссы с повседневными ситуациями... им нужно сохранять поддержку масс трудового народа, который лишь отчасти осознаёт конечную цель анархизма». (21)

Если эти высказывания верны, то «чистый» анархизм — это несбыточная мечта. Во-первых, т.к. время, когда каждый будет являться «чистым» анархистом, никогда не настанет и человечество всегда будет вынуждено «идти на компромиссы с повседневными ситуациями». Во-вторых, т.к. усложняющиеся экономические и социальные операции взаимозависимого мира не могут быть произведены без «стабильных организаций». Даже если бы каждый житель был убеждённым анархистом, «чистый» анархизм был бы невозможен уже по техническим и функциональным причинам. Не говоря уже о том, что анархизм исключает аффиити-группы. Анархизм предполагает гибкое, плюралистическое общество, где все потребности людей будут удовлетворяться бесконечным разнообразием добровольных ассоциаций. Мир, состоящий из аффинити-групп как из пчелиных сот — от шахматных клубов до групп анархистской пропаганды. Они формируются, распадаются и воссоздаются согласно изменяющимся прихотям и причудам индивидуальных участников. Именно потому, что они отражают индивидуальные предпочтения, такие группы являются жизненной силой свободного общества.

Но анархисты всегда настаивали на том, что раз необходимое для жизни и важные услуги должны оказываться бесперебойно и не могут быть оставлены на усмотрение индивидов, они являются общественными обязанностями, которые обязан выполнять каждый способный индивид, если он/она рассчитывает получить выгоду от коллективного труда. Следовательно, широкие организации, федерации и конфедерации, предоставляющие эти необходимые услуги, должны поддерживать общество. Такие стабильные объединения, организованные по анархистским принципам, не являются отклонениями. Они — самая сущность анархизма как живого общественного порядка.

«Чистого» анархизма нет. Есть только применение анархистских принципов к реальностям общественной жизни. Целью анархизма является стимулирование сил,двигающих общество в либертарном направлении. Только с этой позиции значимость анархизма для современной жизни может быть оценена должным образом.

Автоматизация могла бы ускорить анархизм

Мы считаем, что конструктивные идеи анархизма более своевременно представляются кибернетической революцией, пусть даже на этой ранней стадии, и

они будут приобретать всё больше значения в процессе этой революции. Нет, даже сейчас, непреодолимых технико-научных преград для введения анархизма. Самым значительным препятствием для реализации идеала (который был общим для анархистов и других социалистических тенденций: «Каждому по потребностям, от каждого по возможностям») заключалось в недостатке продуктов и услуг. «Кибернетика, система с практически бесконечной производительной способностью, которая требует всё меньше затрат человеческого труда... могла бы сделать искоренение нищеты у нас и за рубежом возможным...» (22) В потребительской экономике, где покупательская власть не связана с производством, система наёмного труда устаревает и неизмеримо возрастают предпосылки для осуществления социалистического идеала.

Когда Кропоткин писал свои «Поля, фабрики и мастерские» в 1899 г., чтобы показать выполнимость децентрализации промышленности для достижения большего равновесия между жизнью на селе и в городе, к его идеям отнеслись как к незрелым. Сегодня же даже не обсуждается, что проблема сокращения промышленности до размеров, с которыми человечество может совладать, стала ещё более актуальной из-за загрязнения, угрожающего самой жизни на этой планете, и может быть большей частью решена при помощи современных технологий. (Мюррей Букчин проделал огромное количество исследований на эту тему — см. его «*Post-scarcity Anarchism*», Ramparts Press, 1971).

Одно из главных препятствий на пути к установлению свободного общества — это громоздкий, вмещающийся во всё, корпоративно-государственный, укомплектованный окопавшейся бюрократической элитой класс управленцев, менеджеров и чиновников, *de facto* исполняющий на всех уровнях контроль над действиями общества. До сегодняшнего дня это рассматривалось как неизбежное зло, но благодаря развитию компьютерных технологий, этот византийский аппарат может быть демонтирован.

Элен Тоффлер («*Future Shock*», 1970) собирает доказательства этому и подводит итог: «Вместо укрепления хватки бюрократии на глотке цивилизации, автоматизация приводит к её упразднению...» Другой источник, цитирующий *Business Week*, подчёркивает, что «автоматизация не только делает необходимым экономическое планирование — она делает его ещё и возможным. Подсчёты необходимые для планирования на национальном уровне сложны и тяжелы, но они могут быть произведены новыми электронными компьютерами за удивительно короткие сроки» (23)

Либертарный принцип рабочего контроля не будет опровергнут изменениями в структуре производительных сил или в природе самого труда. С появлением автоматизации экономическая структура нового общества должна основываться на управлении посредством людей, непосредственно участвующих в экономических функциях. При автоматизации миллионы высоко образованных техников, инженеров, учёных, учителей и т.п., уже организованных в локальные, региональные, национальные и международные федерации, будут свободно передавать друг другу информацию, постоянно заботясь как о качестве, так и о доступности продуктов и услуг, и создавая новые продукты для новых нужд.

При дальнейшем переплетении и расширении уже существующих объединений потребительских кооперативов и ассоциациями производителей на каждом уровне,

потребители будут сообщать о своих нуждах, которые будут удовлетворяться производителями. Неисчислимо множество супермаркетов, цепей магазинов и центров услуг любого рода уже охватывают всю страну, и хотя они и принадлежат либо корпорациям, либо частным лицам, они так организованы, что легко могут быть обобщены и превращены в сети кооперативов. Интеграция этих экономических организмов, без сомнения, будет проходить намного легче, т.к. одни и те же люди являются как производителями, так и потребителями.

Прогресс нового общества будет, по большей части, зависеть от того размаха, в котором единицы самоуправления будут способны ускорить прямую коммуникацию — чтобы лучше понимать проблемы друг друга и лучше координировать действия. Благодаря современной технологии коммуникации, все важнейшие приспособления уже доступны: библиотеки на плёнке, «компьютерные прачечные», закрытые телевизионные и телефонные цепи, коммуникационные спутники и множество других приспособлений, делающих возможной постоянную, прямую коммуникацию по всему миру и для всех (визуальный и аудио-контакт между Землёй и Луной за секунды!). «Демократия лицом к лицу», краеугольный камень свободного общества, уже приобретает контуры благодаря возросшей мобильности людей.

Существуют преувеличенные страхи, что меньшинство, состоящее из научных и технических работников, установит в свободном обществе диктатуру над остальным обществом. У них, конечно, сейчас нет власти, которую им приписывают. Несмотря на их более высокий «статус», они не более «иммунны» к флюктуациям в экономической системе, чем «обычные» рабочие (почти 100 000 без работы). Подобно низкооплачиваемым рабочим, им тоже приходится подчиняться приказам своих работодателей под угрозой потери рабочего места.

Десятки тысяч разочарованных первоклассных технических и научных сотрудников, которым не позволено творчески пользоваться своими знаниями, обнаруживают себя за монотонной, бесполезной и антиобщественной работой. И ничто так не действует на нервы, чем беспомощно стоять в стороне, когда невежды, которые даже не понимают языка науки, диктуют направление исследований и развития. Эти работники не могут воспользоваться этими правами ни в России, ни где-либо ещё.

В довесок к этим общим соображениям есть ещё два сдерживающих механизма, чтобы предотвратить диктатуру техно-научной элиты. Первый заключается в том, что широкое распыление научного и технического образования, предоставляющего миллионы новых специалистов, разбило бы любую монополию меньшинства и уничтожило бы угрозу диктатуры. «... число специалистов и технологов в этой стране выросло вдвое менее, чем за десять лет, и составляет сейчас двадцать процентов от всей рабочей силы — этот прирост более быстр, чем прирост населения...» (*New York Times*, 29-го декабря 1970 г.)

Второй механизм заключается в том, чтобы не давать специалистам или какой-либо другой группе политической власти, чтобы править другими. Мы постоянно должны предотвращать превышение властных полномочий и никогда не забывать, что при совместных усилиях в строительстве нового мира нам нужно учиться доверять друг другу. Если мы этому не научимся, то этот лучший мир навсегда останется утопией.

Истинная значимость анархизма

Я попытался показать, что анархизм — не панацея, которая чудесным образом вылечит общество от всех болезней, но, скорее, инструкция по действию для двадцатого века, основанная на реалистичной концепции общественной реконструкции. Практически неисчислимы материальные препятствия на пути анархизма — дефицит продуктов и услуг, и распространяющаяся промышленно-управленческая централизация — должны или могут быть устранены кибернетическо-технической революцией. Но на данный момент эмансипация подвергается опасности со стороны эффективной политической и социальной власти, и технологии промывки мозгов «истеблишмента».

В своей полемике против марксистов анархисты настаивали на том, что политическое государство подчиняет экономику своим целям. Невероятно сложная экономическая система, некогда рассматривавшаяся как необходимое условие для осуществления социализма, теперь служит усилению власти правящих классов при помощи технологии физического и умственного угнетения и преследует цели уничтожения человеческих ценностей. То самое изобилие, которое может освободить нас от нужды и непосильной работы, теперь позволяет государству создать то, что, по сути, является общенациональной богадельней, где миллионы технологически незадействованных, забытых, безликих изгоев, живут на «социальную помощь», предоставляемую лишь для того, чтобы заставить их молчать. Та самая технология, открывшая новые пути к свободе, теперь вооружила государства невероятно могущественным оружием, способным уничтожить человечество.

В то время как анархисты никогда не преуменьшали огромную важность экономического фактора в общественных изменениях, они, тем не менее, отвергали фанатичный экономический фатализм. Одним из самых убедительных вкладов анархизма в социальную теорию является постоянное подчёркивание того, как политические институты, в свою очередь, формируют экономическую жизнь. Столь же показательно значение, придаваемое человеческой воле, его вдохновениям, моральному фактору, и, прежде всего, бунтарскому духу в создании человеческой истории. И в этой области анархизм чрезвычайно важен для обновления общества. Чтобы показать значение, приписываемое этому фактору, мы процитируем письмо, написанное Бакуниным своему другу Элизе Реклю: «Время революций прошло, и не по причине ужасной катастрофы (Французско-прусская война и разгром Парижской коммуны в мае 1971 г.), а потому, что я, к моему глубокому отчаянию, признал это фактом, и я нахожу каждый день заново, что революционная надежда, страсть, начисто отсутствуют в массах; и если их нет, то бессмысленно предпринимать отчаянные попытки».

Доступность всё более и более многочисленных потребительских товаров вкупе с хитроумными техниками влияния на массы развратили умы общественности. Обуржуазивание иссушило революционные настроения в массах. Это именно этот отказ от вдохновляющих ценностей социализма, который, в значительной степени, ответственен за продажность и коррупцию в современном рабочем и социалистическом движении.

Создать революционное движение, которое, вдохновившись анархистскими идеями, было бы способно повернуть этот реакционный тренд вспять, это задание

умопомрачительных размеров. Но в этом и заключается истинная значимость анархизма.

Перевод с английского.

Ссылки:

- 1) *Luigi Fabbri, Influences Bourgueses en el Anarquismo*
- 2) *Kingley Widmer, Anarchism Revived Right, The Nation, November 16, 1970*
- 3) *Errico Malatesta, Life and Ideas, Freedom Press, 1965*
- 4) *Цитата из письма друга, даты нет*
- 5) *Михаил Бакунин, Федерализм, социализм, антитеологизм*
- 6) *George Woodcock, Anarchism, World Publishing, 1962*
- 7) *Daniel Guerin, L'Anarchisme, 1965*
- 8) *John В McEwan, Anarchy, no. 25, March 1963*
- 9) *Peter Kropotkin, Revolutionary Pamphlets, Vanguard Press, 1927. Позиция Прудона была сходной, «посредством прогресса идей и сложности интересов общество вынуждено отказаться от государства».*
- 10) *Diego Abad De Santillan, After the Revolution, Greenberg, 1937*
- 11) *Petre Drucker, The Age of Discontinuity, harper and Row, 1968*
- 12) *Gunnar Myrdal, Beyond the Welfare State, Yale University, 1960*
- 13) *Прьер-Жозеф Прудон, Общая идея революции в 19-м столетии*
- 14) *Peter Kropotkin, Revoluationalary Pamphlets*
- 15) *там же*
- 16) *Конфедерация национальных профсоюзов входящая в Международную организацию труда, отделение ООН*
- 17) *П. Кропоткин, Воспоминания бунтовщика*
- 18) *Malatesta*
- 19) *там же*
- 20) *там же*
- 21) *Woodcock, Anarchism*
- 22) *Manifesto... Committee for the Triple Revolution, цитируется по Liberation, April 1964*
- 23) *Robot Revolution, Socialist Party, USA, 1965*

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Сэм Долгофф
Значение анархизма для современного общества
1971

Скопировано 24.12.2023 с <https://liberadio.noblogs.org/?p=1129>

ru.anarchistlibraries.net